

Пол К. Сейнт-Амур

## Вечное межвоенное

Paul K. Saint-Amour

Perpetual Interwar

**Пол К. Сейнт-Амур**

Пенсильванский университет, профессор  
кафедры английской литературы, PhD  
psain@english.upenn.edu

**Paul K. Saint-Amour**

University of Pennsylvania, Professor of English, PhD  
psain@english.upenn.edu

**Ключевые слова:** Томас Пинчон, «Радуга тяготения», «Улисс», холодная война, тотальная война, 1945 год, ядерная война

**Keywords:** Thomas Pynchon, *Gravity's Rainbow*, Ulysses, Cold War, total war, 1945, nuclear war

УДК: 82.091

DOI: 10.53953/08696365\_2026\_200\_4\_428

UDC: 82.091

DOI: 10.53953/08696365\_2026\_200\_4\_428

Данный текст является заключением книги Пола Сейнт-Амура «Tense Future: Modernism, Total War, Encyclopedic Form» (Oxford, 2015). Здесь автор предлагает интерпретацию «Радуги тяготения» Пинчона как романной предтечи его монографии. Адаптируя формальные стратегии «Улисса» и его жанровых родственников к рамкам колониального геноцида, вымирания видов, ковровых бомбардировок и ядерной войны, роман Пинчона выводит на поверхность то, что часто было сокрыто в его предшественниках: связи между метрополитным и колониальным насилием, отношение между тотальной войной и тотализирующей формой, а также осознание — задолго до 1945 года — травмирующего предвосхищения, которое мы до сих пор ассоциировали почти исключительно с эпохой после Хиросимы. Фиксация «Радуги тяготения» на 1920-х и 1930-х годах оказывается осмыслением момента холодной войны, в который она была написана, как ставшего вечным межвоенного периода. Текст завершается обсуждением межвоенного времени как нормативного для национального суверенитета — как темпоральность *par excellence* государства, определяющегося своим притязанием на прошлую и будущую монополию на насилие, — а также того, как политические коллективы могут изобрести альтернативу нескончаемому межвоенному периоду.

The present text is a Russian translation of the conclusion of Paul Saint-Amour's monograph, «Tense Future: Modernism, Total War, Encyclopedic Form» (Oxford, 2015). Here, the author reads Pynchon's *Gravity's Rainbow* as a novelistic antecedent to his book. Adapting the formal strategies of *Ulysses* and its genre-mates to the frames of colonial genocide, species extinction, area bombing, and nuclear war, Pynchon's novel surfaces what is often latent in its precursors: the links between metropolitan and colonial violence, the relationship between total war and totalizing form, and the apprehension, well before 1945, of a traumatizing anticipation we still associate almost exclusively with the post-Hiroshima era. *Gravity's Rainbow's* fixation on the 1920s and '30s reads the Cold War moment of its writing as a perennialized interwar period. The conclusion ends with a discussion of the interwar as the normative time of national sovereignty — as the temporality par excellence of a state defined by its claim to past and future monopolies on violence — and of how political collectivities might imagine an alternative to perpetual interwar.

Жизнь превратилась в безвременную последовательность шоков, между которыми зияют дыры, парализованные промежуточные пространства. Но, возможно, ничто не является для будущего столь роковым, как то, что скоро никто буквально не будет в состоянии обо всем этом думать, поскольку всякая травма, всякий неопределенный шок тех, кто возвращается с войны, есть фермент грядущей деструкции.

Теодор Адорно, «*Minima moralia*»

Если бы ты мог проста увидеть 1 вещь ясна фсё что в ней есть в целам ты бы мог увидеть ясна любую вещь. Но ты никагда не сможиш увидеть какую-либа вещь в целам ты всигда пагружон либа в её праживание либа в движение сквось нийё. Так што забей.

Рассел Хобан, «Ридли Уокер»

Когда Ассоциация постмодерных исследований впервые собралась в 2006 году, название ее первого симпозиума выдавало неуверенность в предмете своего исследования. «От середины века к постмодерну: переосмысляя послевоенную эпоху» — эта формулировка трактовала постмодернизм не как очерчивающий исследовательское поле термин, но как конечный пункт назначения послевоенной эпохи, которая сама одновременно и подразумевалась завершенной, и нуждалась в переосмыслении. Всего через два дня тринадцать присутствующих ученых решили изменить название на «Post45». Хотя не сохранилось публичных записей их обсуждений, эссе участницы конференции Эми Хангерфорд «О периоде, ранее известном как современность» дает ценные указания, о чем шла речь. Вероятно, первоначальный заголовок Ассоциации постмодерных исследований показался слишком тесно связанным с джеймисоновским неомарксистским подходом и вдобавок отягощенным историей того, как «экспериментальное» письмо белых мужчин оценивалось выше реалистических (согласно известному мнению) произведений женщин и темнокожих. В противоположность тому, что Хангерфорд называет «старым постмодернизмом», обозначение периода как «после 1945 года» должно было представляться безоценочным, открытым и методологически нейтральным, предполагая, согласно ее словам, «минимальный набор допущений относительно того, как мир и культура — особенно американская культура — изменились с конца Второй мировой войны»<sup>1</sup>. В качестве параметра поля исследования окончание войны обладало двойным достоинством инклюзивности и точ(еч)ности.

Но когда в точности войны заканчиваются? В случае Второй мировой войны ответ кажется очевидным: боевые действия на последнем, тихоокеанском театре, завершились 2 сентября 1945 года подписанием капитуляции японскими представителями на борту линкора «Миссури» в Токийском заливе. Однако, если посмотреть на другие признаки, как это сделала историк Мэри Дудзьяк, обнаруживается, что даже такая решающая война может заканчиваться (и не заканчиваться) еще долгое время после того, как прекратились боевые столкновения. Дудзьяк указывает на тот факт, что армия США продолжала награждать медалью «За Тихоокеанскую кампанию» вплоть до 2 марта 1946 года, а медалью «За службу в оккупационной армии» — до 27 апреля 1952 года, последнего дня союзнической оккупации<sup>2</sup>. А согласно критериям Организации американских ветеранов-инвалидов, представляющей членство ветеранам, «получившим инвалидность при исполнении долга во время войны», как сообщает Дудзьяк, «единственный невоенный период после Второй мировой войны — помимо семи месяцев в 1990 году — длился с 15 октября 1976 по 4 но-

1 *Hungerford A. On the Period Formerly Known as Contemporary // American Literary History. 2008. Vol. 20. № 1–2. P. 414, 418. О симпозиуме 2006 года см. P. 419, прим. 3.*

2 *Dudziak M.L. War-Time: An Idea, Its History, Its Consequences. New York: Oxford University Press, 2012. P. 151.*

ября 1979 года»<sup>3</sup>. Она также показывает, что, даже когда войны заканчиваются формально, юридические военные полномочия государства могут сохраняться еще долгое время после подписания документов о капитуляции. Так, например, в ряде случаев в конце 1940-х годов Верховный суд США постановлял, что «война не прекращается с приказом о прекращении огня, и полномочия, осуществляемые Президентом, <...> являются процессом, который начинается, когда война объявлена, но не исчерпывается, когда прекращается стрельба». Военные полномочия, решил Суд, «включают в себя полномочия “исправить зло, принесенное возникновением войны и ее ходом”, и сохраняются все то время, пока существуют эти чрезвычайные обстоятельства»<sup>4</sup>.

Для Дудзяк и многих других исследователей фикция точ(е)чности начала и окончания войны имеет огромные последствия<sup>5</sup>. Она поддерживает две дополнительные фикции: во-первых, то, что военное время является исключением из нормы мирного времени, и, во-вторых, что военное чрезвычайное положение — присвоение полномочий сувереном или исполнительной властью, приостановка прозрачности и надлежащих правовых процедур — быстро и полностью сменяется верховенством закона, как только вновь наступает мирное время. Критики, разоблачающие эти фикции, настаивают, что современная война и военные полномочия исторически оказались не точечными, но длительными, не исключительными, но бессрочными в своей тенденции. В число этих критиков, как кажется, недавно вошел и президент Барак Обама, который в речи в Национальном университете обороны в мае 2013 года заявил о своем намерении «уточнить и в конце концов отменить» существовавшую уже двенадцать лет Резолюцию [Уполномочивание] о применении военной силы (далее AUMF) — юридическое основание для войны против терроризма, — документ, который, по его словам, удерживал Америку «в вечном военном режиме» начиная с 9/11<sup>6</sup>.

Если считать, что послевоенная эпоха завершилась 9 ноября 1989 года с падением Берлинской стены или 11 сентября 2001 года с атаками Аль-Каиды, тогда понятие того нескончаемого военного времени, что было инициированного принятием AUMF и Патриотического акта<sup>7</sup>, не откроет для нас ново-

3 Ibid. P. 30–31.

4 Ibid. P. 38–39. Дудзяк цитирует решения по делу *Ludecke v. Watkins*, 335 U.S. 160, 169–70 (1948), ссылающиеся на дела *United States v. Anderson*, 9 Wall. 56, 70 (1869) и *Woods v. Cloyd W. Miller Co.*, 333 U.S. 138, 141–44 (1948).

5 Исследования по этой теме слишком многочисленны, чтобы привести здесь исчерпывающий список, тем не менее см., например: *Scheppele K.L. Law in a Time of Emergency: States of Exception and the Temptations of 9/11* // *University of Pennsylvania Journal of Constitutional Law*. Vol. 6. (2004). P. 1001–1083; *Butler J. Precarious Life: The Powers of Mourning and Violence*. London: Verso, 2006; *Gross O., Ní Aoláin F. Law in Times of Crisis: Emergency Powers in Theory and Practice*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006; и *Scarry E. Rule of Law, Misrule of Men*. Cambridge: MIT Press, 2010.

6 Пресс-релиз Белого дома: Remarks by the President at the National Defense University // The White House. 2013. May 23 (URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2013/05/23/remarks-President-national-defense-university/>)

7 Patriot Act, формально Uniting and Strengthening America by Providing Appropriate Tools Required to Intercept and Obstruct Terrorism Act (U.S.A. P.A.T.R.I.O.T. Act) — федеральный законопроект принятый администрацией президента Джорджа Буша в 2001 г. после событий 11 сентября, дающий органам нацбезопасности США широкие полномочия по мониторингу населения с целью предотвращения будущих терактов — *Прим. ред.*

го понимания десятилетий холодной войны, а лишь останется интерпретацией их последствий. Более того, есть причины не принимать *вечную войну* как подходящую аналитическую категоризацию для той эпохи. Несмотря на то что данная концепция проливает свет на непрерывное состояние милитаризованного производства насилия в годы холодной войны, она плохо улавливает огромную асимметрию в том, как насилие распределялось, — скажем, различие между тем, что испытывало гражданское население в сверхдержавках, с одной стороны, и в местах неокOLONиальных прокси-войн — с другой, — или тот факт, что, несмотря на расхожее мнение о чрезвычайных полномочиях, некоторые гражданские права *упрочились* в наиболее геополитически напряженные годы холодной войны<sup>8</sup>. Порицание нескончаемой войны может служить опровержением стандартной бинарной оппозиции военное время / мирное время. Но как обозначение для поля исследования или периода рубрика вечной войны скорее усиливает эту бинарную оппозицию, чем избегает ее, чрезмерно сакрализуя категорию «военного времени», которое в результате полностью совпадает со временем государства и тех, кем оно управляет.

Поэтому вместо вечного военного времени я предлагаю здесь способ охарактеризовать позднее Новое время, который поначалу может прозвучать как противоречие в терминах: *вечное межвоенное*. Выражение кажется самопротиворечащим, поскольку промежуток между двумя отдельными историческими событиями не может быть вечным по определению. Однако это верно только если мы применяем термин *межвоенное* исключительно ретроспективно, после того как начало второй войны удостоверило «посерединность» предшествующего периода. Если же, как я попытался сделать в этой книге, мы трактуем термин *межвоенное* феноменологически, — как актуальный опыт припоминания прошедшей войны, сочетающийся, однако, с ожиданием и теоретизацией войны будущей, — то мы начинаем видеть, что период может продолжаться, и даже почти нескончаемо, переживаясь как межвоенная эра до тех пор, пока на горизонте видна перспектива военного насилия. Некоторые попытки осмысления межвоенного периода «в собственном смысле», т.е. 1918–1939 годов, уже следовали такому подходу<sup>9</sup>. Рассматривая ожидание, тревогу, пророчество и предвосхищающий траур как серьезные предметы для исторического анализа, такие интерпретации демонтировали портрет этого периода, написанный с привилегированной точки его неизбежного завершения в вой-

8 Дудзяк (Op. cit. P. 80–81) отмечает, что в 1962 — в год Карибского кризиса — администрация Кеннеди принудительно обеспечила гражданское право чернокожего Джеймса Мередита на поступление в Университет Миссисипи, а Верховный суд вынес ряд знаковых решений по делам о гражданских свободах — *Engle v. Vitale*, 370 U.S. 421 (запрещая штатам принуждать к молитве в государственных школах) и *Baker v. Carr*, 369 U.S. 186 (дав суду право вмешиваться в изменения границ округов законодательными органами штатов).

9 См., например, мою работу, *Saint-Amour P.K. Air War Prophecy and Interwar Modernism // Comparative Literature Studies*. 2005. Vol. 42. № 2. P. 130–161; *Panchasi R. Future Tense: The Culture of Anticipation in France Between the Wars*. Ithaca: Cornell University Press, 2009; *Mellor L. Reading the Ruins: Modernism, Bombsites and British Culture*. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. Гл. 1; а также *Grayzel S.R. At Home and Under Fire: Air Raids and Culture in Britain from the Great War to the Blitz*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. Гл. 5 и 6.

не, даже если они показывают нам, что исторические деятели межвоенного периода видели следующую войну как несомненный факт. Предрешенная будущность, согласно этому подходу, перестает функционировать как историографическая метафабула, позволяющая нам сожалеть о наивности тех, кто не видел приближение войны, или восхвалять проницательность тех, кто видел. Вместо этого она предстает в виде опыта, который можно изучать как исторический предмет по свидетельствующим о нем следам. Такое исследование открывает нам исторически обусловленное понимание межвоенного ощущения, в котором воспоминание о мировой катастрофе затмевается подозрением или уверенностью в том, что впереди назревает другая, еще хуже. Подобное вскрытие периода 1918–1939 годов должно, в свою очередь, вернуть нам доступ к феноменологии межвоенного холодной войны, подвешенности между одной войной и ее неизбежно надвигающимся продолжением. Такой сдвиг, например, позволит нам, литературоведам, прочитать послевоенные романы о ядерной войне — скажем, «Страсти по Лейбовицу» Уолтера Миллера-мл. (1960) или «Ридли Уокер» Рассела Хобана (1980) — как наследников и жанровых родственников текстов двадцатых и тридцатых годов, таких как «Дикарь Теодор» Сесиль Хамилтон и «Облик грядущего» Герберта Уэллса, не менее «межвоенных» по своему настрою.

Однако понятие «вечное межвоенное» не исчерпывается опытом бытия между прошлой и будущей войной. Для меня *между + война* означает не только «между войнами», но и «посреди войны» (как в знаменитом высказывании Цицерона, *Silent enim leges inter arma*: «Ибо во время войны безмолвствуют законы»)<sup>10</sup>. Если этот сплав межвоенного и посреди-военного может показаться усложняющим парадоксом, достаточно вспомнить британский эксперимент по контролю (т.е. бомбардировкам) Ирака с воздуха в 1920-е, чтобы увидеть, что то, что один субъект, общность или население переживает как мирный промежуток, другой может испытывать как время чередующегося или даже непрерывного насилия, приходит ли оно в виде малых войн, колониальной оккупации и полицейских мер, антиколониального восстания, гражданской войны или психического насилия, вызванного предвосхищением войны. Укорененный в определенной евроцентристской историографии, *межвоенный период* обычно также подразумевал послевоенную радость и процветание, за которыми последовал финансовый кризис 1929 года, политический взрыв и перевооружение<sup>11</sup>. Но целое поколение исследователей колониального насилия двадцатых и тридцатых годов заставило этот термин нести иную весть: что даже между войнами кто-то находится *inter arma*, посередине времени оружия. Это может прозвучать как возвращение вечного военного, но на самом деле здесь как раз таки отвергается способ, которым эта модель гомогенизирует все конфликты, — независимо от их масштаба, симметрии, интенсивности

10 Этот отрывок из «Pro Tito Milone ad iudicem oratio» Цицерона («Pro Milone», 11) чаще цитируют в переставленной форме как *Inter arma enim silent leges* и переводят как «Среди [времени] оружия законы умолкают».

11 Глава/манифест Эрика Хайо «Против периодизации» предлагает убедительную критику того, как периодизирующие гуманитарные науки на Западе склонны не только воспроизводить евроцентризм в пространстве и культуре, но также «рассказывать историю эстетического в европейском времени, сюжетно выстраивая начала, середины и концы способом, который не является <...> просто нейтральным». См.: Hayot E. On Literary Worlds. New York: Oxford University Press, 2012. P. 156.

или законности — как просто *войну*. Аналитика вечного межвоенного стремится не «возвысить» любое вооруженное насилие до статуса войны, но отследить неравномерное распределение насилия среди рас, классов, населения, имперских пространств и темпоральностей. Для такой аналитики важно, какие конфликты объявляются, какие названия они получают, выбирали ли участники свое участие и были ли они защищены законами войны. Не принимая ни бинарную оппозицию военного/мирного времени, ни слишком простое возражение против нее, гласящее, что теперь все время является военным временем, аналитика вечного межвоенного, с одной стороны, требует конкретного рассмотрения того, чьи именно конфликты обеспечивают чье спокойствие, а с другой стороны, предлагает общий портрет поздней модерности как всегда заключающего в себе три одновременных отношения ко времени вооруженного конфликта. Ибо в каждый момент в позднемодерной мировой системе производства увечий, конфликт одновременно и вспоминается, и происходит в настоящем, и является условно-будущим. Рискну предположить, что, как могут подтвердить исследователи любого периода, — начиная, по крайней мере, с наполеоновских войн — это трехчастное отношение ко времени военного насилия способствует геополитическому напряженному ожиданию, которому следовало бы играть более значимую роль в наших теориях позднего Нового времени.

Многие исследования пересекают водораздел 1945 года, так что общая польза от такого подхода стала представляться очевидной. Здесь я развиваю более сфокусированный тезис: что многие послевоенные произведения, включая, хотя и не сводясь к ним, некоторые историографические метафизики, которые стали краеугольными камнями для «старого постмодернизма», сами проговаривают некую *теорию* транспериодизирующего подхода к позднему Новому времени посредством чего-то похожего на вечное межвоенное. Отчасти из-за того, что это может показаться совершенно невероятным выбором, я вкратце обращаюсь к «Радуге тяготения» Томаса Пинчона (1973). Десятилетия бывший оселком для оттачивания постмодернистских канонов, теорий и критериев поля исследования, этот роман представлялся особенно хорошо подходящим для периодизирующих инициатив внутри этого поля. И так было практически с момента его публикации: в 1976 году Эдвард Мендельсон описывал его как провозвестника возникновения «новой интернациональной культуры, созданной технологиями мгновенной коммуникации и экономикой мировых рынков»<sup>12</sup>. С тех пор мало что изменилось, как можно видеть по недавнему утверждению Брайана Макхейла, что с романа Пинчона начинается основная стадия постмодернизма, и его появление в 1973 году «совпадает с другими признаками наступления основной стадии примерно в 1972–1974 годы»<sup>13</sup>. С точки зрения истории литературы то, что книга появилась настолько пунктуально, отчасти может быть следствием той хронологической точности, с которой она разворачивается, когда для большинства ее диегетических событий могут быть изнутри текста установлены конкретные даты и даже часы. Третья часть романа «В зоне» завершается

12 Mendelson E. Gravity's Encyclopedia // Mindful Pleasures: Essays on Thomas Pynchon / Ed. by George Levine and David Leverenz. Boston: Little, Brown, 1976. P. 165.

13 McHale B. Period, Break, Interregnum // Twentieth-Century Literature. 2011. Vol. 57. № 3–4. P. 331.

5 августа 1945 года в Лондоне, когда два второстепенных персонажа детально обсуждают свои послевоенные планы, в то время как в другой часовой зоне самолет, несущий первую атомную бомбу, приближается к Хиросиме<sup>14</sup>. Заря ядерного оружия, разделение Германии и Австрии на Потсдамской конференции, вербовка немецких ученых в ходе операции «Скрепка»: роман, привязанный к этим событиям и действиям, переигрывает критиков, занимающихся периодизацией в их же собственной игре, конструируя 1945 год как радикальный разрыв непрерывности, «Нулевой год», как окрестил его Ян Бурума<sup>15</sup>. Подобно главному герою Тайрону Слотропу, которого послали «поприсутствовать при его собственной сборке — возможно, шептали глубоко паранойяльные голоса, *при сборке его времени*», «Радуга тяготения» изображает свое присутствие при рождении своего же времени холодной войны. Роман должно рассматривать практически как некий плейбук для послевоенной эпохи<sup>16</sup>.

Однако несмотря на всю силу точности, характеризующую книгу Пинчона, она также переполнена несвоевременными противосилами: на каждый хронологизм есть анахронизм, на каждую телеологию — причудливый аналепсис, на каждую сборку — рассеяние. Понимаем ли мы это как орфический спарамос Слотропа или просто как тепловую смерть самой его позиции главного героя, Слотроп, как нам говорят и показывают, не собирается, но «вместо этого разломан и рассеян»<sup>17</sup>. То же самое происходит с идеей о дискретной, самотождественной «эпохе», которая подразумевается такой периодизацией. Несмотря на то что «Радугу тяготения» продолжают читать как «футуристическую по своему направлению», роман тратит гораздо меньше энергии на пролепсисы, чем на аналепсисы, и основная задача его флешбэков — к Маврикию ли XVII века или к Юго-Западной Африке 1904 года — состоит в том, чтобы установить непрерывности между прошлым и диегетическим настоящим 1944–1945 годов. Эти непрерывности протекают по нескольким основным каналам: эксплуатация и массовое убийство, обычно вне формального военного времени, якобы неизбранных (*preterite*) рас и видов самопровозглашенными избранными; зависимость избранных от неизбранных и их влечение к ним; и, через многочисленные аналепсисы к двадцатым и тридцатым годам, неуклонный рост картелизированного транснационального капитала, обеспечиваемый чередующимися межгосударственными войнами. И вот оказывается, что именно эти межвоенные десятилетия являются излюблен-

14 Weisenburger S.C. A «Gravity's Rainbow» Companion: Sources and Contexts for Pynchon's Novel. 2nd ed. Athens: University of Georgia Press, 2006. P. 310, 354. Помимо другой информации Вайзенбургер использует астрологические аллюзии в тексте для подтверждения своих точных датировок.

15 Buruma I. Year Zero: A History of 1945. Harmondsworth: Penguin, 2013. Аргументация Бурумы гораздо меньше погружена в нарратив прерывающего перезапуска, чем можно было бы подумать, судя по названию книги. Он показывает, что в последние месяцы 1945 года союзники, где только могли, реанимировали свои межвоенные колониальные проекты, — операция, включавшая значительные уровни насилия вне рамок объявленной войны. В таком свете вторая половина 1945 года была, по сути, периодом после 1945-го — даже если она восстанавливала распределения закона и насилия, существовавшие до 1939 года.

16 Пинчон Т. Радуга тяготения. М.: Эксмо, 2012. С. 867. Курсив Пинчона.

17 Там же. С. 868.

ным аналептическим направлением в романе. Мы следуем за Францем и Лени Пёклер на спиритический сеанс в Берлине 1929 года, где вызывается дух Вальтера Ратенау, промышленника, организатора картелей и политика, убитого в 1922 году. В дальнейших аналепсисах мы посещаем немецкую межвоенную киноиндустрию и становимся свидетелями предыстории гитлеровской ракетной программы в любительском Обществе космических путешествий. А флешбэк в Юго-Западную Африку, к восстанию гереро 1904 года и его подавлению немецкими солдатами, подчеркивает, что, хотя потенциальные ручейки, ведущие к новой мировой войне, уже начинают сливаться друг с другом, колониальное насилие все это время продолжается. Вместо того чтобы выстраивать взгляд на 1945 как на «нулевой год», запечатывающий предыдущие годы в крипте прошлого, роман участвует в своем собственном спиритическом сеансе, приглашая смежные межвоенные периоды к общению через медиум войны.

Несмотря на то что «Радуга тяготения» привязана к конкретному историческому промежутку, роман является настоящей энциклопедией способов, посредством которых определенное время может не быть — или отказаться быть — современным с самим собой. Склонность романа к анахронизму, особенно к наркосленгу 1960-х, которым фонтанируют персонажи 1940-х, подрывает претензии на историческую точность, каковые текст в других местах очевидно подтверждает тщательным исследованием и аккуратной хронологией. Таким же образом радостная стремительность, с которой текст переключает общие коды, перенимает аргументы различных периодов и взламывает секретные лексиконы, гарантирует, что содержание книги никогда не сливается с исторически устойчивой формой, про которую можно было бы сказать, что она с ним согласованна и одновременна. Но среди несвоевременных черт «Радуги тяготения» самой заметной, безусловно, является одержимость романа *hysteron proteron*, фигурой инверсии, в которой следствие предшествует причине, реакция предвосхищает стимул, осложнение предшествует ране. Не имеет смысла перечислять все случаи этой фигуры в романе, но по меньшей мере два из них приобретают некую структурную значимость: то, что сверхзвуковая ракета «Фау-2» прилетает до того, как жертвы слышат ее звук; и склонность Слотропа к эрекции и зачастую к сексуальным контактам в местах *будущих* ракетных ударов «Фау-2». Второй из этих феноменов так и не получает полного объяснения и, возможно, в конце концов развенчивается на дальнейших страницах романа. Но первый напоминает нам о том, что жуткие и, на первый взгляд, магические искажения времени могут иметь немагические причины. Скорость, с которой перемещаются современные виды вооружений, приводит как к утрате предупреждения, так и к рассеянию системы восприятия насилия по разным темпоральностям. К тому времени, когда вы слышите ее финальное приближение, катастрофа уже в прошлом.

Фигура *hysteron proteron* тесно связывает роман Пинчона с условиями возможного атомного конфликта, в которых он был написан. Эти условия, если вспомнить «Нет, апокалипсис не сейчас» Деррида, связаны с *упреждением*, инверсией конвенциональной последовательности через скорость: угроза массированного возмездия заранее сдерживает первый удар; ядерная война должна опередить законы войны, которые бы ее запретили; и работа траура, в свою очередь, должна двигаться быстрее войны, она должна опередить войну, которая, возможно, не оставит никакого послевоенного времени для выжива-



ния<sup>18</sup>. Но хотя эти упреждающие логики достигли известного апогея в ходе холодной войны, мы видели, что они уже возникают в военной теории, дебатах о международном праве и спекулятивной художественной литературе о «следующей войне» 1920-х годов. Все эти ранние межвоенные дискурсы запечатлели сводящие с ума эффекты ускорения современной войны и вызванное им нарастание геополитического напряжения. Вместе они указывают на масштабную инверсию историографической последовательности: многие стратегические, юридические и психические эффекты, которые мы позднее стали связывать с ядерной ситуацией, возникли задолго до холодной войны, также как и колониальная геометрия прокси-войн «мирного времени», которую мы обычно приписываем холодной войне, была налицо и раньше. Курсируя между межвоенным периодом и переходными месяцами 1945 года, «Радуга тяготения» говорит нам, что то, что представало радикально новым мировым порядком, во многих отношениях было жутким возвращением, цитатой, выдающей себя за неологизм.

Выстроив межвоенный период и холодную войну как глубинные интертексты, роман Пинчона скрепляет их друг с другом посредством ряда аллюзий на те самые межвоенные энциклопедические романы, которые обсуждались в предыдущих главах этой книги. Открывающий его военный сон об эвакуации по железной дороге («в многослойном вагоне он сидит в вельветовой тьме»<sup>19</sup> отсылает к первой сцене тетралогии «Конец парада» Форда, в которой Титженс и Макмастер едут — до того, как война перевернет все, — в вагоне, движущемся «так же плавно, <...> как британские ценные бумаги»<sup>20</sup>. Первая сцена «Радуги тяготения» вторит, как многие отмечали, начальным страницам «Улисса» Джойса. В них тоже фигурирует утренний ритуал на крыше, спиральные лестницы, солнечный свет, проникающий через разделенные средниками окна, и группа сожителей мужчин, готовящих завтрак после бурной ночи, — правда, в джойсовском эпизоде «Телемак» нет ракет «Фау-2», которые по дуге неслись бы на Дублин, грозя разрушением башни Мартелло. Более размытым образом роман Пинчона отсылает к «Человеку без свойств» Музиля — своей энтропией позиции главного персонажа и растяжением короткого исторического промежутка до масштаба целой эпохи. Моя цель при упоминании этих аллюзий не в том, чтобы включить «Радугу тяготения», «старый постмодернизм» или вообще послевоенную литературу во что-то вроде «долгого модернизма»<sup>21</sup>. Но я бы хотел показать, что «Радуга тяготения» является интерпретацией этих модернистских интертекстов, определяет их как своих предшественников — не только из-за размеров текстов или их формальной неугомонности. Она также защищает их от обвинения в наивности или

18 О скорости и инверсии темпоральностей в ядерной ситуации см. также мою статью: *Saint-Amour P.K. Bombing and the Symptom: Traumatic Earliness and the Nuclear Uncanny // diacritics*. 2000. Vol. 30. № 4. P. 59–82; *Cordle D. States of Suspense: The Nuclear Age, Postmodernism, and United States Fiction and Prose*. Manchester: Manchester University Press, 2008, а также *Grausam D. On Endings: American Postmodern Fiction and the Cold War*. Charlottesville: University of Virginia Press, 2011.

19 Пинчон Т. Радуга тяготения. С. 5.

20 Форд М.Ф. Конец парада. Каждому свое. М.: Рипол-классик, 2020. С.3. Перевод изменен.

21 Хангерфорд полагает, что период после 1945 года следовало бы называть «долгим модернизмом» (*Hungerford A. Op. cit. P. 418*).

устаревании из-за принадлежности к мировому порядку, сменившемуся в 1939 или 1945 году. Реактивируя «Улисс» и «Конец парада», особенно на своих исполненных ужаса начальных страницах, роман Пинчона определяет их как неисчерпанные ресурсы для борьбы с деформациями времени и тотальности, производимыми войной. И поскольку этот напряженный промежуток между запуском и возможным прилетом и является межвоенной дугой *par excellence*, роман утверждает — что и делает его предшественником моей книги — что модернизм, даже в двадцатые и тридцатые, уже видел над собой конденсационный ракетный след.

Я уже сказал, что «Радуга тяготения» предлагает более бескомпромиссную критику периодизирующих историографий, чем большинство научных критиков. Роман маскируется под эпос тщательного хронологизма, но в итоге, напротив, обнаруживает свою радикальную приверженность несвоевременности и длительности. Книга Пинчона — это транспериодизирующее произведение в периодизирующем камуфляже. И в этом она не уникальна. Даже если ограничиться романами, проецирующими межвоенные темпоральности и распределение насилия за пределы периода 1918–1939 годов, мы могли бы указать на «Остаток дня» и «Когда мы были сиротами» Кадзуо Исигуро, «Надеющиеся монстры» Николаса Мосли, «Английский пациент» Майкла Ондатже — а из более недавних примеров на транспериодные спиритические сеансы в «С» Тома Карсона (2011) и насыщенную контрфактуальность «Жизни после жизни: роман» Кейт Аткинсон (2013). Одни эти примеры показывают, что транспериодизирующее мышление не является исключительной особенностью того, что Линда Хатчеон назвала «самой дидактической из постмодернистских форм: историографической метафикцией». Несмотря на ее сопутствующее утверждение, что «постмодернизм — это скорее не период, но поэтика или идеология», тот факт, что метафикция использует, как считается, модернистскую технику против модернистского герметизма, помещает ее в определенные исторические рамки<sup>22</sup>. Мы должны перестать связывать историографически ориентированные метафиктивные энергии тех или иных произведений с постмодернизмом, не в последнюю очередь потому, что характерный для таких произведений скептицизм в отношении исторической точности очень часто и весьма эффективно нацелен против предполагаемых дат начала постмодерна и послевоенного периода.

А что же после? Поскольку холодная война отступает в прошлое и датировка «после 11 сентября» играет все большую роль в периодизации настоящего, имеет ли смысл говорить о вечном межвоенном применительно к нашему собственному моменту? Разумеется, перспектива общемировой войны, которая бы мобилизовала и одновременно сделала своей мишенью все население, кажется более далекой, чем когда-то. Другие апокалиптические сценарии представляются для нас более неотложными. И однако, несмотря на то что мы не погружались в глобальный конфликт со времен Второй мировой войны, в последние годы население лишь немногих государств наслаждалось ничем не осложненным мирным временем. В глобальном масштабе Упсальская Программа данных о конфликтах сообщает о тридцати трех «вооружен-

22 *Hutcheon L. Historiographic Metafiction: Parody and the Intertextuality of History // Intertextuality and Contemporary American Fiction / Ed. by Patrick O'Donnell and Robert Con Davis. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1989. P. 28.*

ных конфликтах» — в которых как минимум одна из сторон является государством, — имевших место в 2013 году, когда вышел ее последний отчет, вместе с гораздо большим числом негосударственных и односторонних конфликтов<sup>23</sup>. Вооруженные силы США в настоящий момент развернуты в более чем 150 странах, большей частью в ближневосточных зонах боевых действий, ассоциируемых с «войной с терроризмом»<sup>24</sup>. В своей внутренней и внешней политике правительство США продолжает опираться на чрезвычайные военные полномочия, представленные Патриотическим актом и AUMF, — оба этих документа остаются в силе с 2001 года, несмотря на показную готовность нынешнего президента закончить этот «вечный военный режим». А тем временем это положение санкционирует использование (через огромные расстояния) технологических асимметрий, достаточно больших, чтобы поместить цель и целящегося не просто в разные часовые зоны, но также в несоизмеримые темпоральности по отношению к войне и миру. Так, оператор беспилотника может из безопасного рабочего места на территории США, где все во всех отношениях похоже на мирное время, лишать жизни людей в отдаленных зонах, раздираемых тем, что во всех отношениях выглядит как война<sup>25</sup>. Один живет в обществе, где аспекты гипотетической будущей войны обсуждаются по аналогии с предыдущими войнами: это межвоенное общество. Другой находится *inter arma*, посреди времени оружия, в зоне, где закон молчит. Однако именно молчание закона в государстве удаленного оператора, в межвоенном обществе, где военные полномочия переживают войну, которую в любом случае никто никогда не объявлял, обеспечивает колоссальную асимметрию удара беспилотника. Асимметрию как в интенсивности и тотальности, так и в темпоральности: ибо тогда как удар дрона является частичным для далекого оператора, исполнительной власти и граждан, от имени которых осуществляется удар, он тотален для людей там, внизу, являющихся адресатами бомб. Эти антиномии закона и силы, частности и тотальности, пространства и времени относятся к базовым элементам нашего вечного межвоенного. Насилие теперь постоянно; прерывистой является только война.

23 *Uppsala Conflict Data Program* (URL: <http://www.pcr.uu.se/research/ucdp/>); также см. пресс-релиз Уппсальского университета «Two out of Five War Fatalities Occurred in Syria» от 12 июня 2014 года.

24 *United States Department of Defense*. Counts of Active Duty and Reserve Service Members and APF Civilians by Location Country, Personnel Category, Service and Component, As of March 31, 2014 // DoD Personnel, Workforce Reports & Publications (URL: <https://dwp.dmdc.osd.mil/dwp/app/dod-data-reports/workforce-reports>)

25 Хотя рабочее место американского оператора беспилотника на территории США не является зоной боевых действий, есть ряд свидетельств, что эти удаленные комбатанты могут испытывать профессиональное выгорание, боевой стресс, посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР), травматическое расстройство, вызванное причинением насилия, или комбинацию этих расстройств. См.: *Ouma J.A., Chapelle W.L., Salinas A.* Facets of Occupational Burnout Among U.S. Air Force Active Duty and National Guard/Reserve MQ-1 Predator and MQ-9 Reaper Operators // Wright-Patterson Air Force Base, OH: Air Force Research Laboratory, USAF School of Aerospace Medicine, 2011, а также *Chapelle W.L., Salinas A., McDonald K.* Psychological Health Screening of Remotely Piloted Aircraft (RPA) Operators and Supporting Units // Wright-Patterson Air Force Base, OH: Department of Neuropsychiatry, USAF School of Aerospace Medicine, 2012. Скептический анализ этих отчетов и дискурса мейнстримных медиа вокруг них см. в *Шамаю Г.* Теория дрона. М.: Ад Маргинем, 2020.

Эта книга началась с *букими* — жуткого, тревожного ожидания, которое испытывали жители Хиросимы в дни, ведущие к 6 августа 1945 года. Я бы хотел закончить ее, коснувшись послевоенной Японии и, в частности, политической риторики, представляющей восстановление полного политического суверенитета как возвращение к межвоенному положению. В своем захватывающем эссе «Два времени травмы» Мэрилин Айви отслеживает эту риторику, согласно которой Япония после 1945 года оказалась в ловушке *haisengo* или «послепораженческой» темпоральности. Айви показывает, что для новых консерваторов вроде Като Норихиро этот синдром предстает следствием травмы (яп. *torauma*) поражения, в котором решающую роль сыграли атомные бомбардировки. Этот синдром гарантирован японской конституцией, составленной и навязанной Соединенными Штатами, чтобы лишить Японию суверенного права содержать армию, флот или воздушные силы, и вообще использовать оружие как средство для улаживания международных споров. Поэтому для Като и других неонационалистов нынешняя политическая онтология Японии зиждется на трех унижениях: поражении в войне, в целом считающейся несправедливой со стороны Японии; «чужой» конституции, навязанной оккупирующей державой; и военной кастрации. Результатом оказывается патологическая нация, кастрированная своей принудительной демилитаризацией, испорченная в своем конституционном истоке и пораженная расщеплением личности (*jinkaku bunretsu*), проистекающим из неспособности ни оправдать свое военное прошлое, ни извиниться за него. Чтобы покончить с этим синдромом, полагает Като, необходимо что-то вроде концепции скорби, у которой были бы приоритеты: во-первых, должны быть оплаканы погибшие на войне японцы, чтобы объединить национального субъекта, который затем мог бы оплакивать жертв японских агрессий в Азии, в процессе чего произошла бы реабилитация последней войны<sup>26</sup>. За этим должна последовать японская по происхождению конституция, которая — и это ключевой пункт — восстанавливает суверенное право нации иметь армию и вести войну. Без возобновленного обращения к будущей войне, говорит Като, последняя война неизбежно останется неискупленной и позорной. Как точно описывает эту позицию Айви: «Япония оказывается замороженной в моменте поражения, *потому что*

26 Если Сюзан Сонтаг в «Воображая катастрофу» (1965) интерпретирует Годзиллу как образ, в котором запечатлелась массовая травма, вызванная возможностью будущих ядерных войн, Като в более недавнее время связал этого монстра с иным жутким, непрощенным возвращением неоплаканного погибшего на войне. Он полагает, что в ранних фильмах Годзиллы является «привидением, возвращающимся духом японцев, погибших на войне, которую мы предпочли бы забыть», — духом тех солдат и жертв войны, которые во время войны считались героями, но кого послевоенная демократизация «оставила подвешенными в пустоте; никто не мог с уверенностью сказать, за что же они умерли». Жуткость монстра, утверждает Като, была с течением времени изгнана посредством его одомашнивания и наделения «няшностью» — процесс, который, согласно Като, через Пикачу и других покемонов приходит к своему завершению в безротой *Hello Kitty*. См.: Сонтаг С. Воображая катастрофу // Сонтаг С. Против интерпретации и другие эссе. М.: Ад Маргинем, 2014. С. 223–241; и *Norihiro K. Goodbye Godzilla, Hello Kitty* // *The American Interest*. 2006. September 1 (URL: <https://www.the-american-interest.com/2006/09/01/goodbye-godzilla-hello-kitty/>). Статья Като 2006 года представляется умеренной и уменьшенной версией его более не прикрыто националистической книги *Norihiro K. Haisengo ron*. Tokyo: Kodansha, 1997.

больше нет грядущих войн. Без будущности войны нет реального выхода из послевоенного периода... Предыдущая война должна повториться в грядущей войне, а эта грядущая война должна всегда оставаться открытой в своей будущности»<sup>27</sup>. Это *hysteron proteron*, столь же странный, что и у Пинчона: единственный способ закончить послевоенное состоит в том, чтобы перейти в межвоенное.

Описывая сегодняшнюю Японию как зашедшую в тупик, страдающую внутренними разделениями, «ненормальную» и инфантилизированную, Като предлагает желанный портрет «нормального» национального государства — действующего беспрепятственно, объединенного и наделенного зрелым и фаллическим милитаризмом. Безусловно, этот портрет является крайностью, и тем не менее он раскрывает нечто, касающееся общей структуры отношения национального суверенитета со временем и травмой. Ибо несмотря на то что Като представляет «нормальную» Японию как бессимптомную, он не стремится до конца отделить ее от травмы. Напротив, суверенная нация не должна ни отрекаться от прошлых военных травм, ни отказываться от права ведения травмирующих войн в будущем. Государства резервируют за собой (оно их даже учреждает) право монополизировать будущее насилие — и право монополизировать его в прошлом: как формулирует Айви, «Национальные государства обычно существуют благодаря допущению серийности войны»<sup>28</sup>. В случае Японии, отмечает она дальше, эта модель, в сущности, говорит, что лучшей терапией для военной травмы, включая травму виновного, является подготовка к следующей войне. Она продолжает:

Вероятно, наиболее мощной стратегией выхода из национальной травмы может быть — что парадоксально в свете нынешних дебатов — отказаться от войны и выбрать ненормальность: выбранная извращенная национальная государственность вместо травматически навязанной. Однако до тех пор, пока национальное государство — любое национальное государство — утверждается со всем своим насильственным, травматичным происхождением, обещание будущих войн всегда и конститутивно предлагается как терапия для травм прошлых войн.

«Неважно, носит ли эта форма имя Японии», — заключает Айви, травматичная форма национального государства будет продолжать обеспечивать серийность войны<sup>29</sup>. Нормативное время этого травматичного национального государства не является ни мирным временем, ни послевоенным, ни холодной войной; это межвоенное время, очерченное прошлой войной, которой государство не должно стыдиться, и беспрепятственным правом вести войну в будущем<sup>30</sup>.

27 Ivy M. Trauma's Two Times: Japanese Wars and Postwars // positions: east asia cultures critique. 2008. Vol. 16. № 1. P. 177. Здесь я опираюсь на пересказ Айви «Haisengo ron» (Op. cit.) Като.

28 Ibid. P. 171.

29 Ibid. P. 185.

30 В гуманитаристике и в пользующихся качественными методами социальных науках мы с определенного времени уже обладаем интуицией этого благодаря осмыслению политических теорий закона, силы и суверенитета — таких как «К критике насилия» Бенямина (1921), «Политическая теология» Карла Шмитта (1922) и его же «Понятие политического» (1932), — которые возникли в межвоенный период «в собственном смысле» и, несмотря на все свои различия, несут на себе печать геополитического напряжения того времени.

Когда мы сталкиваемся с такой концепцией государства, туго натянутого между поминовением воинственного прошлого и правом на воинственное будущее, что может помочь нам построить контрмодель? Посредством какого видения «извращенной национальной государственности», по выражению Айви, или диссидентской политической темпоральности определенный коллектив может вообразить свое будущее как нечто иное, нежели время своего праведного ведения войны или своего кастрирующего поражения? В то время как Като и другие неонационалисты предлагают отменить 9 статью (конституционный отказ от права на войну) или ослабить ее запреты, мы могли бы обратить внимание на тех японских граждан, которые поддерживают 9 статью из пацифистских соображений и даже подвергают сомнению конституционность японских Сил самообороны. Мы могли бы заново открыть «К вечному миру» Иммануила Канта в надежде усвоить если не полную альтернативу суверенитету, то, по крайней мере, такую его модель, что аннулирует, а не предполагает право развязать войну в будущем. Мы могли бы заново обратиться к отдельным фигурам и действиям, которых мы встретили на страницах этой книги. Мы видели темное пророчество Леопольда Блума об эмансипации, не сбывшееся и не опровергнутое, но тщательно заархивированное в надежде его осуществления. Мы видели попытку Форда Мэдокса Форда предотвратить все будущие войны посредством изображения тотальности тревоги, которая берет достаточно большую плату без самих сражений. Мы видели, как Вирджиния Вулф во время воздушного налета думает о мире, который женщины могли бы продлить, отказавшись от своей репродуктивной роли, поддерживающей государственную систему войны-и-гендера. И мы видели дерридеанское видение Бога и сыновей Сима, договаривающихся в Вавилоне о многоязыковом согласии, поскольку ни одно имя не было адекватным, чтобы санкционировать войну между ними, — потому что «они предпочли провести еще немного времени вместе, времени долгой беседы с любящими жизнь воинами, пишущими на всех языках, чтобы позволить разговору длиться, даже если они не слишком хорошо понимали друг друга»<sup>31</sup>.

В начале 1940 года, описывая рисунок Паула Клее, которым он владел с 1921 года, Вальтер Беньямин оставил нам этот бесподобный образ ангела истории, обращенного лицом к растущей груди обломков прошлого, в то время как буря прогресса уносит его, спиной вперед и беспомощно распахнувшего крылья, в будущее. То ли из солидарности с древними иудеями, которым было «запрещено разведывать будущее», то ли из протеста против попыток суверенной власти монополизировать изображение будущего — или же просто потому, что война, разворачивающаяся во время его письма, была единственным вообразимым для него горизонтом, — Беньямин в «О понятии истории» мало говорит о временном направлении, в котором уносит ангела. Подобно этому божественному вестнику, он сам поворачивается спиной к повернувшемуся спиной будущему, возможно, надеясь лишить его очарования и оставить пророков без дела, тем не менее оставляя мессианскую дверь приоткрытой<sup>32</sup>. Но

31 *Derrida J. No Apocalypse, Not Now (full speed ahead, seven missiles, seven missives) / Trans. by Catherine Porter and Philip Lewis // diacritics. 1984. Vol. 14. № 2. P. 31.*

32 *Беньямин В. О понятии истории // Беньямин В. Учение о подобии. Медиаэстетические произведения. М.: РГГУ, 2012. С. 237–253. Весь отрывок об иудейской будущности из §В из раннего варианта текста: «Как известно, иудеям было запрещено*

теперь мы знаем, что ангел того межвоенного времени не мог быть обращен только к прошлому; что его взгляд метался бы между вселенской катастрофой истории и будущим, через которое в любой момент может явиться бесценное, будь то в лице Мессии, революции или катаклизма. И мы знаем, что такой ангел, обездвиженный между одной бурей, которую он физически помнит, и другой, которую он не может не воображать, стал бы заботиться о создании архивов, закапывании капсул времени, написании усердных и рваных энциклопедий. Нам, возможно, захотелось бы оставить эту пойманную в ловушку фигуру позади или похоронить ее в ею же созданных архивах. Но нормативное время государства остается основанным на серийности войны. Мы суть межвоенные ангелы, которых уносит в сторону, бурей в бурю.

Перевод с английского Сергея Ермакова

## Библиография / References

- Беньямин В. Учение о подобии. Медиаэстетические произведения. М.: РГГУ, 2012. С. 237–253.  
(*Benjamin W. Uchenie o podobii. Mediaesteticheskie proizvedeniia. Moscow, 2012 — In Russ.*)
- Пинчон Т. Радуга тяготения. М.: Эксмо, 2012.  
(*Pynchon T. Gravity's Rainbow. Moscow, 2012 — In Russ.*)
- Сонтаг С. Против интерпретации и другие эссе. М.: Ад Маргинем, 2014. С. 223–241.  
(*Sontag S. Protiv interpretatsii i drugie esse. Moscow, 2014 — In Russ.*)
- Форд Мэддокс Форд. Конец парада. Каждому свое. М.: Рипол-классик, 2020.  
(*Ford Madox Ford. Parade's End. Moscow, 2020 — In Russ.*)
- Buruma I. Year Zero: A History of 1945. Harmondsworth: Penguin, 2013.
- Butler J. Precarious Life: The Powers of Mourning and Violence. London: Verso, 2006.
- Chapelle W.L., Salinas A., McDonald K. Psychological Health Screening of Remotely Piloted Aircraft (RPA) Operators and Supporting Units // Wright-Patterson Air Force Base, OH: Department of Neuropsychiatry, USAF School of Aerospace Medicine, 2012.
- Cordle D. States of Suspense: The Nuclear Age, Postmodernism, and United States Fiction and Prose. Manchester: Manchester University Press, 2008.
- Derrida J. No Apocalypse, Not Now (full speed ahead, seven missiles, seven missives) / Trans. by Catherine Porter and Philip Lewis // *diacritics*. 1984. Vol. 14. № 2. P. 20–31.
- Dudziak M.L. War-Time: An Idea, Its History, Its Consequences. New York: Oxford University Press, 2012.
- Grausam D. On Endings: American Postmodern Fiction and the Cold War. Charlottesville: University of Virginia Press, 2011.
- Grayzel S.R. At Home and Under Fire: Air Raids and Culture in Britain from the Great War to the Blitz. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.
- Gross O., Ní Aoláin F. Law in Times of Crisis: Emergency Powers in Theory and Practice. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
- Hayot E. On Literary Worlds. New York: Oxford University Press, 2012.
- Hungerford A. On the Period Formerly Known as Contemporary // *American Literary History*. 2008. Vol. 20. № 1–2. P. 410–421.

---

разведывать будущее. Зато Тора и молитва наставляли их в воспоминании. Благодаря этому для них было расколдовано будущее, под чары которого попадают те, кто обращается за сведениями к предсказателям. Однако будущее не было для иудеев гомогенным и пустым временем. Потому что в нем каждая секунда была маленькой калиткой, в которую мог войти Мессия» (С. 249–250, перевод слегка изменен).

- Hutcheon L.* Historiographic Metafiction: Parody and the Intertextuality of History // Intertextuality and Contemporary American Fiction / Ed. by Patrick O'Donnell and Robert Con Davis. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1989. P. 3–32.
- Ivy M.* Trauma's Two Times: Japanese Wars and Postwars // positions: east asia cultures critique. 2008. Vol. 16. № 1. P. 165–188.
- McHale B.* Period, Break, Interregnum // Twentieth-Century Literature. 2011. Vol. 57. № 3–4. P. 329–349.
- Mellor L.* Reading the Ruins: Modernism, Bomb-sites and British Culture. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.
- Mendelson E.* Gravity's Encyclopedia // Mindful Pleasures: Essays on Thomas Pynchon / Ed. by George Levine and David Leverenz. Boston: Little, Brown, 1976. P. 161–195.
- Norihiro K.* Goodbye Godzilla, Hello Kitty // The American Interest. 2006. September 1 (URL: <http://www.the-american-interest.com/articles/2006/09/01/goodbye-godzilla-hello-kitty/>).
- Norihiro K.* Haisengo ron. Tokyo: Kodansha, 1997.
- Ouma J.A., Chapelle W.L., Salinas A.* Facets of Occupational Burnout Among U.S. Air Force Active Duty and National Guard/Reserve MQ-1 Predator and MQ-9 Reaper Operators // Wright-Patterson Air Force Base, OH: Air Force Research Laboratory, USAF School of Aerospace Medicine, 2011.
- Panchasi R.* Future Tense: The Culture of Anticipation in France Between the Wars. Ithaca: Cornell University Press, 2009.
- Saint-Amour P.K.* Air War Prophecy and Interwar Modernism // Comparative Literature Studies. 2005. Vol. 42. № 2. P. 130–61.
- Saint-Amour P.K.* Bombing and the Symptom: Traumatic Earliness and the Nuclear Uncanny // diacritics. 2000. Vol. 30. № 4. P. 59–82.
- Scarry E.* Rule of Law, Misrule of Men. Cambridge: MIT Press, 2010.
- Scheppele K.L.* Law in a Time of Emergency: States of Exception and the Temptations of 9/11 // University of Pennsylvania Journal of Constitutional Law. 2004. Vol. 6. P. 1001–1083.
- Weisenburger S.C.* A «Gravity's Rainbow» Companion: Sources and Contexts for Pynchon's Novel. 2<sup>nd</sup> ed. Athens: University of Georgia Press, 2006.